

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИЮ Т. П. ЛОМТЕВА

В № 5 «Вопросов языкознания» за 1954 г. была напечатана рецензия Т. П. Ломтева на мою книгу «Историческая грамматика русского языка. Морфология». В этой рецензии отмечены некоторые неточности, встречающиеся в книге, за что я не могу не быть признательным рецензенту. Но при этом нельзя не отметить, что рецензия в целом не дает достаточно развернутой общей оценки книги и серьезного разбора моих взглядов.

Не имея возможности остановиться на всех тех случаях, когда я мог бы возразить на отдельные замечания рецензента или не согласиться с ним в трактовке моих взглядов, считаю необходимым специально рассмотреть по крайней мере два вопроса, так как мне кажется, что мой рецензент, предлагая свои замечания по этим вопросам, сам не обнаруживает достаточной ориентированности в некоторых проблемах сравнительной грамматики индоевропейских языков, а порой даже истории и диалектологии русского языка, в связи с чем и у читателя его рецензии может создаться неправильное, суженное представление о том, как обстоит дело с разработкой соответствующих разделов истории языка.

На стр. 137 рецензии Т. П. Ломтев оценивает как неточное или во всяком случае спорное представленное в моей работе изложение фонетического процесса образования звательных форм на -о у основ на -а. Оставляя в стороне вопрос о том, правильно ли называть определенную точку зрения «неточной» только потому, что это не та точка зрения, которой следует рецензент, подчеркнем, что сам Т. П. Ломтев, как видно из дальнейшего изложения, является сторонником взгляда, согласно которому в общиндоевропейском языке звательная форма рассматриваемого склонения оканчивалась на *э*, а не на *а* краткое. Аналогичные взгляды находим у многих лингвистов. Указанную форму восстанавливает, хотя и с оговоркой, например, К. Брурман в своей «Краткой сравнительной грамматике», вышедшей в 1904 г.¹ Однако позднее, в 1911 г., во втором издании своей полной «Сравнительной грамматики» (т. II, ч. 2-я) он вообще отказывается для соответствующего случая восстанавливать общиндоевропейскую форму². Наряду с этим и излагаемую мною трактовку происхождения звательной формы (окончание *о* из *а* краткого у основ на *а*) находим у ряда крупнейших русских специалистов по сравнительной грамматике индоевропейских языков, таких, как Ф. Ф. Фортунатов, его ученик В. К. Поржезинский, В. А. Богородицкий (в общем принадлежавший к иному направлению)³. При этом важно подчеркнуть, что такая точка зрения представлена и в литературе более поздней, чем та, в которой отражена точка зрения, отстаиваемая Т. П. Ломтевым, и против нее не было найдено каких-нибудь существенных дополнительных доводов, поэтому не считаться с ней, просто определяя ее как «неточную», нет оснований.

Однако, поскольку вопрос о времени появления той или иной точки зрения представляет собой аргумент в значительной степени внешнего порядка, разберем вопрос по существу.

В моей книге сокращение конечного *-ā<-ā* (откуда затем славянское *-о*) рассмат-

¹ См. К. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1904, стр. 377.

² См. К. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. II, Teil II, Lief. 12-e Bearb., Strassburg, 1909, стр. 134—135 и сл.

³ См. Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языкознание. Склонение в индоевропейских языках. Лекции, чит. в Моск. ун-те в 1892—93 акад. году, М., 1892, [литограф. изд.], стр. 180—181; В. К. Поржезинский, Сравнительная морфология древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков, ч. I, М., 1916, стр. 30; его же, Сравнительная грамматика славянских языков, вып. I, 2-е изд., М., 1916, стр. 103; В. А. Богородицкий, Краткий очерк сравнительной грамматики ариевропейских языков, 2-е изд., Казань, 1917, стр. 87—88.

ривается как результат особых интонационных условий, в которых находится звательная форма. Возражая мне, Т. П. Ломтев пишет: «Между тем в действительности редукционную степень долгих гласных представлял звук *э* (речь идет об общиндоевропейском языке-основе. — П. К.), который на славянской почве изменялся в *о*» (стр. 138). Это утверждение рецензента прежде всего неточно, так как вопрос об общиндоевропейском вокализме следует рассматривать дифференцированно для разных периодов существования индоевропейского языка-основы. Несоблюдение этого принципа приводит к антиисторизму, которым как раз грешило сравнительно-историческое языкознание на раннем этапе своего развития, когда на индоевропейский праязык смотрели как на нечто застывшее, неизменяемое. Между тем исследования последних лет (да и не только последних) показали последовательность смены закономерностей в истории развития индоевропейского языка-основы. Редукция *ē, ē̄, ā > ə* в безударном положении была характерна лишь для определенной эпохи в этом развитии, причем наиболее ясные случаи *э* такого происхождения падают именно на первый предударный слог. Эта редукция предполагает сильное динамическое ударение, т. е. большое различие по интенсивности между ударным и безударным слогами. Уже давно была выдвинута гипотеза, согласно которой наличие именно такого положения вещей было характерно для более ранней эпохи развития языка-основы. Для эпохи же более поздней, т. е. для эпохи непосредственно перед разделением на отдельные ветви, предполагает наличие более высокого в музыкальном отношении тона на ударном слоге (сравнительно с безударными) при небольшом в то же время различии между ударным слогом и безударными по их интенсивности. При таких условиях редукция в виде *э* вряд ли могла осуществиться, сокращение же долгого гласного в соответствующий по качеству краткий, принимая во внимание те особые интонационные условия, в которых находилась звательная форма, вполне возможно. Были также сделаны попытки внести известные коррективы в только что приведенную гипотезу. Так как рассмотрение истории разработки вопроса могло бы увести нас далеко в сторону, подчеркнем лишь то, что и в самые последние годы лингвисты, занимающиеся сравнительной грамматикой индоевропейских языков, высказываются именно в пользу изложенных выше предположений относительно того, что сильное динамическое ударение и качественная редукция гласных были свойственны лишь более ранней эпохе развития языка-основы¹. В этой связи возникает вопрос, в какую же эпоху складывается звательная форма в том ее облике, в котором она выступает затем в отдельных древних индоевропейских языках (в том числе в старославянском и древнерусском), т. е. вопрос об относительной хронологии данного явления, который мой рецензент даже и не поднимает.

Славянское *-о*, как и соответствующее ему греческое *-а* краткое, могут быть возведены как к общиндоевропейскому *-а* краткому, так и к общиндоевропейскому *ə*. Но в санскрите общиндоевропейское *а* должно дать краткое *а*, а общиндоевропейское *ə* — *i*. Индо-иранские языки в целом представляют в склонении на *-ā* такую звательную форму, которая не может быть сведена к первоисточнику, общему со славянскими языками и греческим. Отметим, однако, что в санскрите пережиточно сохраняется форма *am̐ba* «матушка», указывающая на конечное общиндоевропейское *а* краткое. Отношение к этой форме у лингвистов двойное. Одни считают необходимым ответить ее. Так поступает Бругман в обоих своих упомянутых выше трудах. При этом в «Краткой грамматике» он утверждает, что данное слово принадлежит к «Amhensprache», т. е. к языку кормилиц (имея в виду тот язык, которым общаются кормилицы и маленькие дети), и поэтому должно быть оставлено в стороне. Другие лингвисты говорят о том, что при сравнительно-историческом изучении должны быть привлечены и такие слова, что и они подчиняются общим закономерностям, причем в них пережиточно могут сохраняться очень древние явления. Лингвисты, восстанавливающие общиндоевропейскую звательную форму с *а* кратким, используют в своих построениях и эту форму *am̐ba*, что и имеет место в указанных выше курсах Фортунатова, Поржезинского и Богородицкого. Полагаю, что правы последние. В различных языках есть немало форм, относящихся к тому, что Бругман называет «Amhensprache», подчиняющихся тем не менее общим закономерностям. Ведь к таким словам принадлежит и приводимое Т. П. Ломтевым украинское *мамо*!

Подчеркнем, кроме того, и другие соображения, согласно которым звательная форма отдельных индоевропейских языков сложилась сравнительно поздно и не восходит к эпохе сильного динамического ударения и качественной редукции безударных гласных. Обращает на себя внимание тот факт, что в основах на *-о* звательная форма так же, как и в основах на *-а*, является в виде чистой основы, причем конечный гласный основы представлен на ступени *е*. Однако известно, что чередование *е/о* возникает в сравнительно позднюю эпоху, когда ударяемый слог характеризовался уже более высоким тоном. Если бы эта звательная форма сложилась в эпоху сильного

¹ См., например, W. P. Lehmann, Proto-indo-european Phonology, Austin, 1952, стр. 110 и сл.

динамического ударения, конечный гласный *o* основы должен был бы явиться в виде *schwa secundum* с различными рефлексамися в зависимости от того, какой согласный являлся рядом с ним. Если мы возьмем такое слово, как **p̥tēr* «отец», мы найдем от него общиндоевропейскую звательную форму **p̥tēr*; ср. греч. *páter*, др.-инд. *pitar*. Здесь также имел место перенос ударения на начальный слог, но интересно, что в этом начальном слоге под ударением является *ə*, а не *ā*, из которого, вероятно, развилось данное *ə*, а это указывает на то, что *ə* уже не было обусловлено положением, что фонетические отношения между *ē*, *ō*, *ā* — *ə* были уже нарушены.

Если даже не считаться с предположениями тех лингвистов, которые образованные основы на *-ā* и на *-o* относят к более позднему периоду развития общиндоевропейского языка-основы, чем образование основ на согласные¹, у нас во всяком случае нет никаких оснований для обратного, т. е. для предположения о более раннем происхождении основ на *-ā* и на *-o* сравнительно с основами на согласные.

Таково реальное положение вещей с разработкой вопроса о происхождении окончаний звательной формы.

Общая оценка этой точки зрения рецензентом просто как «спорной и неточной» не имеет, как видим, под собой основания.

Еще более серьезных возражений требуют высказывания рецензента по поводу глагольной формы 3-го лица, поскольку этот вопрос относится уже непосредственно к истории русского языка. На стр. 141 рецензии Т. П. Ломтев пишет: «Отсутствие строгости и точности в применении сравнительного метода наблюдается у автора не только при реконструкции форм языка-основы, но и при объяснении форм современного языка из форм языка-основы». В подтверждение этого общего положения рецензент приводит лишь один факт: содержащееся в моей книге объяснение форм 3-го лица настоящего и простого будущего времени глаголов без *-t*. Как увидим сейчас, «отсутствием строгости и точности» характеризуются рассуждения самого рецензента по этому поводу.

Т. П. Ломтев возражает против объяснения отсутствия *-t* в рассматриваемых формах в большинстве славянских диалектов воздействием вторичных окончаний на первичные, имевшим место еще на почве общеславянского языка-основы. Мотивы против такого объяснения он приводит следующие: 1) постоянное наличие *-t* (или его рефлексов) в 3-м лице возвратных форм в белорусском языке и в русских говорах; 2) наличие долготы конечного гласного в форме 3-го лица мн. числа в чешском языке; 3) приводимые А. М. Селищевым формы вятских говоров, свидетельствующие о том, что процесс утраты *-t* в некоторых северновеликорусских говорах еще не закончен. На этих основаниях Т. П. Ломтев считает, что утрата *-t* в большинстве славянских диалектов имела место поздно и не связана с процессами, происходившими в общеславянском языке-основе. На основании первого из приведенных мотивов Т. П. Ломтев, повидимому, относит утрату *-t* в русском и белорусском языках ко времени после агглютинации возвратного местоимения к глагольной форме.

Для того чтобы рассмотреть по существу высказывания Т. П. Ломтева, необходимо напомнить, что в северновеликорусских говорах *-t* обычно отсутствует лишь в 3-м лице ед. числа глаголов I спряжения и в 3-м лице мн. числа глаголов II спряжения, в южновеликорусских же говорах также и в ед. числе II спряжения, хотя в основном лишь при безударном окончании, а глаголы I и II спряжения с безударными окончаниями в акающих говорах вообще имеют тенденцию объединяться в одно спряжение, именно первое. Не останавливаясь специально на говорах, где наблюдается в более широком объеме отсутствие *t*.

В то же время неопровержимым (и приведенным, кстати сказать, в моей книге на стр. 208) фактом является отсутствие *-t* (ь) именно в 3-м лице ед. числа глагола I спряжения в древнейшем датированном оригинальном русском памятнике — в записи Остромирова евангелия (написе вместо *напишетъ*). Эта форма свидетельствует о том, что отсутствие *-t* в определенных категориях имело место и до агглютинации возвратного местоимения, так как предполагать эту агглютинацию осуществившейся уже в XI в. мы не вправе. Формы без *-t*, и именно в той же категории, нередки и в новгородских надписях и берестяных грамотах, найденных А. В. Арциховским. Ср. *еде*, *веге* в очень маленькой по объему надписи на ободке сосуда (№ 10), *не буде* (№ 18), *буде*, *хоце* (№ 19), *приде* (№ 43), *поведе* (№ 53). О том, как объяснить приведенную выше форму из записи Остромирова евангелия, рецензент не говорит ни слова.

На стр. 142 Т. П. Ломтев, как уже было сказано, ссылается на А. М. Селищева в доказательство того, что процесс утраты *-t* в 3-м лице глаголов в северновеликорусских говорах еще не закончен и в настоящее время. А. М. Селищев в рецензии на книгу Н. Дурново «Очерк истории русского языка» (М., 1924) действительно указывает, что по говорам Вятской губ. употребляются формы 3-го лица единственного числа с *-t* и без *-t*, причем в представлении говорящего образование *-t* на конце фор-

¹ См., например, F. r. S p e c h t, Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen, 1947, стр. 9, 105 и др.

мы всегда имеется, поскольку на него отводится соответствующий момент времени, но осуществление этого образования весьма слабо или совсем отсутствует — *спй, говорѣ*¹. Выписывая цитату из работы А. М. Селищева, Т. П. Ломтев как бы не обращает внимания на то, что в этой цитате речь идет о формах 3-го лица единственного числа глаголов II спряжения, в котором утрата *-t*, как уже говорилось выше, произошла (и то лишь в очень немногих говорах) лишь позднее. Между тем всего за несколько строк до приведенной Т. П. Ломтевым цитаты А. М. Селищев совершенно ясно указывает, что утрата *-t* в 3-м лице единственного числа I спряжения имела место еще в праславянском языке: «Несомненно, в ряде случаев формы без *-t* были унаследованы от праславянского времени. К таким формам относятся формы 3 л. ед. ч. основ на *-e: nese, vede*»². Таким образом, цитата использована в рецензии в противоречии со взглядами цитируемого автора, что совершенно недопустимо в научной литературе.

Пытаясь опереться в изложении своей точки зрения на факты чешского языка (о долготе конечного слога в форме 3-го лица множественного числа), приводимые в работах того же А. М. Селищева, Т. П. Ломтев неточно излагает высказывания последнего. На стр. 141 рецензии он пишет: «Однако формы 3-го лица множественного числа в чешском языке представляют новообразование. Первоначально и они имели элемент *-m*, который позднее был утрачен. Об этом свидетельствует наличие новой долготы конечного слога в 3-м лице глаголов множественного числа. Как известно, старые долготы в конечном слоге в чешском утрачены». В действительности, как пишет А. М. Селищев на той странице, на которую Т. П. Ломтев ссылается, здесь не новая долгота, а сохранившаяся старая: «Окончанием формы 3 л. множ. служит заменитель прежнего окончания *Q* или *ǣ* с утраченным конечным *-t* (вместо *-ti*). Эта утрата произошла позднее процесса сокращения долгих гласных в конечном открытом слоге. Поэтому долгота слога с *Q, ǣ* в окончании формы 3 л. множ. удержалась»³. Еще яснее о том, что здесь старая долгота, говорит А. М. Селищев в другом месте своей книги: «В некоторых случаях долгий гласный в открытом слоге был давнего происхождения, именно там, где открытость конечного слога с долгим гласным появилась позднее, вследствие утраты согласного. Например: чешская форма 3 л. множ. ч. наст. вр. *nesū → nesou, chvali* и др.»⁴. Повидимому, Т. П. Ломтев не делает различия между старой и новой долготой.

Приведенные выше факты говорят о том, что в известных случаях отсутствие *-t* могло иметь место еще на почве общеславянского языка-основы, а следовательно, могло являться и результатом воздействия вторичных окончаний на первичные. Результаты сравнения славянских личных окончаний глагола с соответствующими окончаниями других индоевропейских языков свидетельствуют о том, что взаимодействие первичных и вторичных окончаний на почве общеславянского языка-основы действительно имело место. Это подтверждается и тем, что для 1-го и 2-го лица множественного числа и для всех лиц двойственного числа мы вообще уже не находим на славянской почве различных окончаний для настоящего времени, с одной стороны, и для прошедших времен, с другой. Окончание 1-го лица единственного числа настоящего времени глаголов, возможно, является результатом контаминации первичного и вторичного окончаний (к этой точке зрения я присоединяюсь и в моей книге). Основой этого объединения послужило то, что первичные и вторичные окончания, как бы ни объяснять их возникновение, первоначально использовались для различения настоящего и прошедшего времени, однако позднее отличия прошедшего времени от настоящего выражаются также показателями аориста и имперфекта *-s - / - x - / - ǣ -* (становящимися показателями вообще прошедшего времени). Простой аорист в дальнейшем выходит из употребления, в связи с чем противопоставление первичных и вторичных окончаний для различения времени становится ненужным.

Конечно, не все случаи отсутствия *-t* в 3-м лице глагола восходят к общеславянской эпохе. Многие категории получили по говорам такую форму позднее, в результате обобщения окончаний без *-t*; частью же и в результате фонетического ослабления конечного *-t*, при исследовании истории форм 3-го лица в русском языке (как и любом другом в славянском) как раз и необходимо учитывать наличие разных с исторической точки зрения случаев употребления форм с *t* и без *t*.

Отмеченный Т. П. Ломтевым факт постоянного наличия *-t* или его рефлексов в 3-м лице возвратных форм в русских говорах и в белорусском языке представляет интерес, но он безусловно требует иного объяснения, чем то, которое дает ему сам Т. П. Ломтев. Подобно тому, как формы без *-t* в результате обобщения могли появиться в тех случаях, где ранее были формы с *-t*, мог иметь место также и обратный процесс: уже после того, как произошла агглютинация возвратного местоимения с той или иной глагольной формой, возникавшие при этом новые окончания возвратных

¹ См. ИОРЯС, т. XXXII (1927), стр. 329.

² Там же, стр. 328—329.

³ А. М. Селищев, Славянское языкознание, т. I, М., 1941, стр. 163.

⁴ Там же, стр. 116.

форм *-тца, -цца, -тця* и под., осознававшиеся как единое целое, могли распространяться и на такие формы, которые не имели *-и*. В результате этого наряду с *сидитца* появилось и *несетца*, причем в тех говорах, где в невозвратной форме было — *несе*.

Несколько слов о возражениях методологического характера. Имеющиеся в моей работе объяснение некоторых фактов в развитии родительного-винительного падежа для выражения одушевленности и некоторых явлений в области грамматического рода вызывает со стороны Т. П. Ломтева упрек в «необоснованной социологизации». Это замечание могло бы иметь цену при наличии развернутой аргументации, но Т. П. Ломтев ограничивается лишь голословным отрицанием имеющегося у меня объяснения. Ср., например, такое его бездоказательное утверждение: «Процесс распространения родительного-винительного падежа в древнерусском языке не испытывал того или другого воздействия со стороны правового или общественного положения людей в древнерусском обществе» (стр. 143). С другой стороны, рецензент как бы не захотел обратить внимание на то, что развитие родительного-винительного я связываю не только с развитием общественных отношений, а указывая также на определенные структурные условия, одни из которых способствуют развитию новой формы, а другие сохранению старой. Но оценки и критики этих моих объяснений, равно как и моих взглядов по этому вопросу, взятых в целом, нет, что и вызывает чувство неудовлетворенности рецензией.

В другом месте Т. П. Ломтев утверждает, будто, по моему мнению, «все элементы нового качества в грамматическом строе языка представляют собою выражение дальнейшего абстрагирования» (стр. 143). Соглашаясь с тем, что «в отдельных случаях элементы нового качества действительно представляют более высокую ступень абстракции по отношению к отмирающим элементам старого качества», он указывает, что «в других случаях элементы нового качества представляют собою более дифференцированные средства по отношению к отмирающим элементам старого качества» и что «элементы нового качества по отношению к элементам старого качества могут представлять и ту же ступень абстрагирования» (см. там же). Все эти упреки моего рецензента построены на толковании отдельных формулировок без оценки их, взятых во всей совокупности. Я не утверждал, что все развитие грамматического строя сводится только ко все дальше идущему абстрагированию, хотя считал и продолжал считать, что последнее играет большую роль и наблюдается во многих случаях. А о том, что изменение грамматического строя состоит и в развитии более дифференцированных средств выражения сравнительно с ранее существовавшими в языке, я в моей книге также говорю (см., например, стр. 9, 77, 116, 296); с другой стороны, я никогда не утверждал, что элементы нового качества не могут выражать ту же ступень абстрагирования, что выражали элементы старого качества.

Не останавливаясь на всех замечаниях, часть из которых к тому же носит характер мелких придирок или относится к опечаткам, укажу еще лишь на два момента, существенные для оценки общего характера рецензии.

Во-первых, общие выводы рецензии строятся на недостаточном материале. Отметив в каждом разделе несколько «неточностей» (порой всего две-три), часть из которых, как мы видели выше, даже не является в действительности неточностями, Т. П. Ломтев делает далеко идущие обобщения, указывая, что «недовершенство фактов, неточность сообщаемых сведений — серьезный недостаток рецензируемой работы» (см. стр. 141), что в книге «в ряде случаев отсутствует научная обоснованность в реконструкции древних фактов языка и историчность в освещении фактов современного из данных языка-основы» (см. стр. 142), что «у автора нет продуманных взглядов по вопросу о характере закономерности морфологических процессов в истории русского языка» (см. стр. 144) и т. д. Но в книге ведь имеется большой материал, а не только отмеченные рецензентом «неточности».

Во-вторых, возражая мне, Т. П. Ломтев сообщает порой именно те положения, которые содержатся в моей книге. Так, возражая против того, что совпадение форм родительного, дательного и предложного падежей единственного числа склонения на *а* может являться результатом воздействия мягкой разновидности на твердую, он указывает, что воздействие это имело место лишь в дательном и предложном падеже, тогда как в родительном падеже, напротив, твердая разновидность воздействовала на мягкую (см. стр. 139 рецензии), но именно это и сказано в моей книге, где совершенно ясно говорится, что мягкая разновидность на твердую воздействовала в дательном и местном падеже, а в родительном падеже процесс шел в обратном направлении.

Таковы мои замечания по существу некоторых вопросов, затронутых в рецензии Т. П. Ломтева. Как я указывал выше, она, с моей точки зрения, не принадлежит к числу рецензий, которые помогают читателю объективно и всесторонне разобраться в достоинствах и недостатках рассматриваемой книги.

П. С. Кузнецов